

СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ КАНОН

Гуманитарное Агентство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Санкт-Петербург
2000

СУДЬБА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ О ЛИТЕРАТУРЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКОГО КАНОНА: ПЕРЕВЕРЗЕВЩИНА / ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦИОЛОГИЗМ

Ханс Ленерт

Переверзевщина — распространенная в 1930-е годы полемически-отрицательная категория, которой пользовались критики и теоретики литературы в целях отграничения различных аспектов литературно-социологического направления 1920-х годов, в особенности психологического его варианта. Чтобы понять изменяющийся смысл категории, необходимо различить следующие этапы развития социологического направления в советском литературоведении:

- учение Переверзева и его школы в 1920-е годы;
- кампания против Переверзева и его учеников в 1929—1930 годах, возглавленная представителями РАППа и их идеологическими помощниками;
- критика переверзевской концепции в 1930-е годы, развернувшаяся накануне идеологического поворота 1936 года сторонниками Лукача — Лифшица.

«Переверзевщина» как понятие сталинского литературно-программного и литературоведческого мышления была неразрывно связана с общей судьбой социологии в СССР. Конец этой научной дисциплины повлек за собой и изъятие из обихода самой категории «переверзевщина». Чтобы точно определить ее место в системе и истории господствовавшей в 1930-е годы идеологии, мы будем говорить о характере и эволюции этой идеологии, в том числе и сталинского литературно-программного мышления, литературоведения и литературной критики. Не следует говорить о монолитном сталинизме, не учитывая его внутреннего движения, поскольку такой подход в конкретной исследовательской работе ведет к существенным неточностям¹.

Если при рассмотрении периода 1929—1953 гг. взять за основу последовательно эволюционную точку зрения, можно выделить по отношению к системе литературы три этапа со следующими контекстами:

— пролетарски-социологический с 1929 по 1936 г. На этом этапе преобладают категории «класс» (классовость, классовый враг, рабочий класс и т. д.), «пролетариат» и «партийность». Он начинается с кампании против т. н. меньшевизма в гуманитарных науках;

— коллективистски-народный с 1936 по 1945 г. Центральными ориентирами на этом этапе становятся «народ» (народность, враг народа и т. д.) и «вождь», сильно возрастает значение фольклора. Второй этап начинается с кампании против формализма и натурализма в искусстве;

— великорусски-националистический с 1946 по 1953 г. Коллективное начало модифицируется установкой на шовинистскую аргументацию, исчезают рудименты «мышления снизу». Третий этап знаменует пресловутая кампания против т. н. космополитизма.

Понятие «переверзевщина» бытовало прежде всего на первом этапе. Оно употреблялось исключительно в контексте споров о смысле и границах определенных литературно-социологических позиций или социологизма в целом. Во второй половине 1930-х годов эта категория постепенно сходит со сцены вместе с самим Валерьяном Переверзевым, который был арестован в 1938 году, и последующие 18 лет имя заключенного в Гулаге ученого обходилось полным молчанием.

1. Учение Переверзева и его школы в 1920-е годы

Чтобы понять, что такое переверзевщина, нужно прежде всего знать самое учение Переверзева и его учеников. Основы его концепции были заложены еще до революции 1917 года. В Петропавловской крепости политзаключенный Переверзев написал монографию «Творчество Достоевского», которая, благодаря помощи В. М. Фриче, в 1912 г. вышла в свет и сразу же вызвала интерес в ученом мире. С наименьшим вниманием два года спустя была принята вторая работа автора — «Творчество Гоголя». В чем заключалась тайна успеха первых трудов Переверзева? Ответ на этот вопрос мы получим, если бросим взгляд на литературоведческую сцену тех лет. Преобладали тогда, с одной стороны, философские и религиозные концепции литературы (теоретиков символизма, поздних представителей культурно-исторической школы и провозвестников марксизма); с другой стороны, беспринципный биографизм и эклектизм. Критика Переверзева в их адрес мало отличалась от полемики ревнителей формальной школы, сравнивавших академическое литературоведение с полицией, «которая, имея целью арестовать определенное лицо, захватила бы на всякий случай всех и все, что находилось в квартире»². Ознакомившись с первыми работами Переверзева, многие поняли, что тут велась серьезная борьба с такой «полицией».

1.1. Научность по Переверзеву

Рассматривая характер и уровень литературоведческого мышления своих современников, Переверзев пришел к выводу о том, что исследователям необходимо коренным образом изменить свое отношение к литературе: нужно писать *о литературе*, а не *по поводу* ее. В связи с этим он выдвинул ряд требований к научному литературоведению. В числе главных можно назвать:

— *выдержанность методологических начал*. Это требование было особенно созвучно идеалам левого крыла молодого университетского поколения, охваченного духом антиметафизичности, научной познаваемости сложнейших явлений мира, технической управляемости всеми жизненными процессами.

— *ограничение исследовательского материала литературными текстами* (в терминологии Переверзева: произведениями, творчеством писателя). «В своем увлечении историческими и биографическими экскурсиями критика (Переверзев имел в виду литературоведческую науку — Х. Л.) далеко уходит от художественных произведений», — писал Переверзев в 1914 г. и потому требовал: «Критика должна стать ближе к художественным произведениям, войти в более интимное общение с ними, глубже всмотреться во внутреннюю их жизнь и внешнее строение и возможно меньше ходить вокруг да около»³. Ученый искал позиции, которую можно классифицировать как *поэтологическую*. Вот почему он пренебрегал в качестве материала литературоведческого анализа публицистикой писателя и другими «нехудожественными» данными о нем. «Социальная природа литературного факта может и должна быть вскрыта средствами чисто литературного анализа и минимальным обращением к данным обществоведения, ибо в структуре художественного произведения, в особенностях составляющих его элементов и выражается его социальная природа»⁴.

— *индуктивный подход к материалу*. Переверзев был глубоко убежден в том, что прежде чем определить специфический социальный характер творчества, нужно анализировать ткань литературного текста. Этим требованием его позиция выгодно отличалась от философских поисков «социологического эквивалента» литературы (метод Плеханова) или социологии «соответствия» литературы общественно-формационному типу (метод Фриче).

— *объективность*. Под научностью Переверзев подразумевал последовательно-описательное исследование литературных текстов. Поэтому он отрицательно относился ко всяким «телеологическим» теориям литературы — религиозным, культурно-философским, политическим и пр. В нескольких статьях о Дмитрии Писареве он недвусмысленно изложил свои взгляды на эту тему. Недаром Переверзев противопоставил позицию именно этого критика убеждениям Чернышевского. Писарев в гораздо большей степени, чем другие шестидесятники связал борьбу против современной нормативной эстетики, т. е. за «разрушение красоты», с «позитивной»⁵ трактовкой соотношений жизни и искусства. Этот эмпирический принцип ненормативного описания явлений искусства Переверзев называл «научной объективностью» или «научным объективизмом». Отмечая эту положительную сторону концепции т. н. реальной критики Писарева, он в то же время указал на ее недостатки. Внутренняя нелогичность взглядов Писарева была вызвана тем, что критик не довольствовался только последовательным описанием литературной жизни как составной части социальной жизни, а сверх того подчеркивал преимущество определенной культуры, защищающей права угнетенных слоев русского общества. Переверзев возражал, что таким образом нормативные начала напластовывались на «позитивные», что присущий любому произведению момент полезности превратился в *определенную* полезность. Одним словом, Переверзев критиковал вытеснение объективности/объективизма в пользу заинтересованности и нормативности, жертвование научностью в пользу утилитаризма: «К системе научного объяснения искусства, какой стремилась быть реальная критика, прицепилась логически ей враждебная... система субъективных оценочных норм; реальная критика с дороги научного объективизма сбивалась на дорогу субъективной публицистики, превращаясь в утилитарную критику»⁶. К «объективистскому» пониманию науки Переверзев всю свою жизнь чувствовал глубокую симпатию. Этим объясняется принципиальная невозможность приспособления его концепции к идеологическим требованиям культурной политики 1930-х годов. Переверзев рассуждал на ином, чем будущие литературоведы сталинских времен, уровне. Если те были убеждены в иерархическом характере отношений между наукой о литературе, литературной программой и критикой, и в связи с этим трактовали литературоведение как опрокинутую в науку литературную программу (пролетарского реализма, соцреализма), Переверзев в духе 1920-х годов, наоборот, исходил из равноправия названных уровней, что влекло за собой весьма опосредованный характер программных моментов в литературоведении.

1.2. Переверзевское понимание литературы

Подобно многим другим ученым и критикам, Переверзев стремился к раскрытию социальных связей литературы, в которых он видел главную причину возникновения и функционирования литературных текстов. Но в отличие от большинства социологов искусства, находившихся под влиянием культурно-исторической школы и историко-философских идей, Переверзев был убежден в сугубо опытным характере литературного творчества.

1.2.1. Литература как запечатление социального опыта

Своеобразие позиции Переверзева по этому вопросу четко вырисовывается, если сравнить ее с теорией Плеханова — родоначальника марксистской социологии искусства. Плеханов выделил в рамках своей знаменитой «пятичленки» особую ступень посредничества, названную психологией общества⁷, охватывающую такие явления, как «окружающая среда»⁸, «образ жизни»⁹, «вкусы и склонности»¹⁰, «душевные настроения» или «обычай»¹¹. Хотя первый русский марксист неоднократно подчеркивал важность этих сфер для определения содержания искусства, он все же решился на историко-*философское* обоснование социологии искусства. Плеханов в конечном счете исходил не из самого искусства, но использовал его для доказательства преимуществ марксистского метода. Психология играла в этом контексте третьестепенную роль: «Когда социальный элемент отходит на задний план, действуют психологические законы»¹².

Психологический же момент недооценивался. Пока Плеханов определял «социологический эквивалент» искусства, он прибегал к нему лишь в рамках второго акта анализа — эстетической оценки произведений, «формы», под которой подразумевал психологическую упаковку идей. Переверзев же порвал с недооценкой психологии в социологическом исследовании литературы. В его концепции социальная психика стала стержнем понимания литературы: литературное творчество, по Переверзеву, «сводится к воспроизведению свойственного данной форме жизни поведения, которое иначе называется психологией, характером»¹³. То, что у Плеханова еще причислялось к форме, у Переверзева превратилось в самое содержание искусства. Эти изменения сопровождались поворотом к вопросам специфики литературы и заметной деидеологизацией литературоведения.

1.2.2. Подсознание как основа социального опыта

Предположенное Переверзевым место подсознания в социально-литературном опыте вызвало ожесточенные споры вокруг переверзевской концепции литературы. Борясь прежде всего с представителями и эпигонами рационалистских позиций в литературоведении, подчеркивая при этом важную роль психики, Переверзев уделял особое внимание методологическим дискуссиям в области психологии. С явной симпатией он наблюдал за попытками рефлексологии и реактологии отмежеваться от психологических течений, ограничивающихся изучением высших психических функций. Переверзев увлекался теориями низшей психической деятельности, ибо в них убедительно доказывалась связь психики и поведения с окружающей средой. Поэтому ученый перенес реактологический принцип на литературоведение, основывая тем самым концепцию психологической социологии литературы. Хотя Переверзев вполне осознал проблему сравнимости низших пластов психики и более высоко организованного литературного «поведения», он все же не признавал существования качественного различия между обеими сферами: «Но как бы высоко ни поднималась их мысль, ее основа, ее корни лежат в примитивной форме чувствований... На почве этих чувств, созданных определенными условиями жизни, рождаются их идеи»¹⁴.

1.2.3. Коллективное начало подсознания

Под влиянием богдановского эмпириомонизма Переверзев распознавал в опыте исключительно коллективные признаки. Это тем удивительнее, что, в отличие от Богданова, посвятил себя изучению литературного творчества таких «индивидов», как Достоевский, Гоголь, Гончаров. Противоречие снимется, если вспомнить, что опыт в концепции Переверзева сводился к подсознательным слоям психики, а те, в свою очередь, выводились из детской психики. Переверзев трактовал подсознание (подобно фрейдовскому надындивидуальному «Оно») как «голос рода, голос коллектива в человеческой психике», как «то, что идет откуда-то из биологических глубин, из массовой психики», как «коллектив, который живет в индивидуальной психике»¹⁵. Так как «голос коллектива» раздается громче всего в ранние стадии онтогенеза, литература в переверзевской теории запечатлевает детскую психику и ее судьбу.

1.3. Социологичность по Переверзеву

Переверзева интересовала, главным образом, история возникновения литературных произведений, их генезис. Не раз обвиняли ученого в вульгарном экономизме, в отождествлении бытия и сознания, причем в содержание понятия «вульгарный» входили не только «грубый» и «упрощенный», но и «плебейский».

На самом деле, Переверзев не выводил «социологический эквивалент» непосредственно из характера производственного процесса (как это делали Богданов, Фриче, лэфовцы и др.), а сводил запечатленную в литературном творчестве психику к далекому от экономической жизни моменту — *родному дому*, особенностям его пространства и времени¹⁶. Родной дом и его судьба представляли собой конкретное содержание применяемых им категорий «бытие», «базис» и «среда», основу переверзевского мышления «снизу». Опосредованность преломления экономических моментов выражалась в том, что ученый исследовал творчество таких писателей, которые принадлежали к подчиненным социальным группам, игравшим второстепенную роль в историческом процессе.

Правда, с конца 1920-х годов Переверзев пользовался марксистской схемой базиса и надстройки, чтобы подчеркнуть параллелизм надстроечных структур по отношению к экономическому базису. Он заявил, что не стоит заниматься взаимодействием, например, литературы и философии, литературы и политики, ибо это отвлекает ученого и от специфики литературы, и от исследования социологии литературного творчества: «Политическая жизнь не может ничего создать в образной системе литературы; и обратно... Тут ничего не создается... Здесь есть сосуществование..., но здесь нет причинной связи»¹⁷. Культурные факторы в такой аргументации лишались самостоятельности. Та же пассивность культурных (в том числе и языковых) структур имела место при рассуждениях Переверзева о социологии родного дома: воспроизводя лишь ранние психические стадии своего детства, писатель в концепции Переверзева не может свободно распоряжаться таким культурным орудием, как язык.

1.4. Переверзевское понимание функции литературы как игры

По Переверзеву, функция литературных произведений заключалась в стабилизации, закреплении жизненного опыта. В этой связи ученый употреблял понятие игры: «Игра всегда действие, она сводится к воспроизведению свой-

ственного данной форме жизни поведения, которое иначе называется психологией, характером»¹⁸. Отождествлением игры и искусства, детских форм переживания и литературного опыта объясняется равнодушие ученого к кругу познавательных вопросов, к проблеме *правдивого* воспроизведения явлений действительности. Из анализа творчества различных писателей Переверзев выводил иную, негносеологическую целевую установку — автоматизацию поведенческих структур: «Литература — это игра на жизнь, а социальный смысл этой игры — подготовка, воспитание для жизненной борьбы»¹⁹. Учитывая переверзевское понимание литературного опыта, можно сказать, что его рассуждения о функции литературы невольно предполагали знак равенства между писателем и читателем.

1.5. Поэтологические следствия: В поисках поэтики субъекта произведения

1.5.1. Образ вместо идеи

Переверзев решительно отмежевался от «пресловутой идеи произведения»²⁰. Он предпочитал образ: «Воспроизведенная система поведения или, что то же самое, воспроизведенный характер — это и есть образ... Образ составляет сущность игры»²¹. Отвергая все концепции, в которых образ служил лишь для иллюстрации идеи, Переверзев перевернул знаменитую формулу «мышление в образах» в «мышление образов». Тем самым он подчеркивал не только персоналистский характер своей социологической поэтики, но и равнодушие к таким моментам, как *замысел* и *мировоззрение* художника, а также к унаследованным литературным образцам («книжности») ²². Любопытно, например, что в связи с романом «Мать» Плеханов критиковал Горького за недопонимание марксистской идеологии, в то время, как Переверзев поставил писателю в упрек одностороннюю установку на идеологический момент, искажающую социально-психологическую основу творчества ²³.

1.5.2. Прием — атрибут образа

Трактуя образ как центральный момент художественного содержания, Переверзев подразумевал под «формой» текстовые пласты, которыми интересовались скорее формалисты, чем социологи литературы. Имеются в виду вопросы языка и стиля художественных текстов. Однако, оба направления разделяла пропасть, что объясняется диаметрально противоположными определениями текста. Если, например, Тынянов описывал текст как динамичную систему, в которой «субсистемы» сохраняют относительную самостоятельность, то Переверзев пользовался категорией «организм», чтобы подчеркнуть полное подчинение всех элементов текста образу. Формула: «Прием — атрибут образа»²⁴ — означала, что стиль отдельного произведения, всего творчества писателя, целого литературного направления стопроцентно зависит от особенностей социальной психики. Ниже (но и выше!) образа ничего самостоятельного не признавалось.

1.5.3. Центральный образ и субъект произведения

Переверзевская поэтологическая концепция рассматривала четыре текстовых уровня: стилево-языковой, композиционный, совокупность образов, центральный образ. Ученый установил специфическое преломление отдельных образов сквозь призму изображающего субъекта. Эту призму он называл центральным образом, отделяющим, с одной стороны, «бытие» (существенное с точки зрения социальной психики) от «жития» (второстепенного, биографического)²⁵ и выражающим, с другой стороны, огромное значение художника, субъекта: «Характер отражения определяется не только характером отражаемой действительности, но и свойствами зеркала»²⁶. «Стиль живет, развивается, эволюционирует независимо от художника. Как же это возможно?»²⁷ — спрашивал недоуменный Переверзев в рецензии на книгу Б. М. Эйхенбаума, указывая в дальнейшем на необходимость поисков поэтологического места субъекта литературного произведения. Однако, реактологические предпосылки его социологической поэтики упростили плодотворное научное задание, свели литературное *преобразование* социально-го опыта к *воспроизведению* его.

1.6. Литературно-критические воззрения Переверзева: Переживание как критерий художественности

В соответствии со своим пониманием литературы Переверзев оценивал и современный литературный процесс. Ученый весьма критически относился к тем литературным группам, которые, по его мнению, собственный опыт заменяли разного рода рационалистическими программами. Говоря о «партийности», категории в то время еще не канонической, Переверзев, между прочим, утверждал: «Партийность художника определяется не сознательными тенденциями, а подсознательными переживаниями»²⁸. В 1923 году это утверждение было направлено в первую очередь против «неистовых ревнителей» из РАППа (С. Родова, Г. Левевича и других будущих литфронтовцев), которых Переверзев обвинил в том, что у них «нет пролетарской беллетристики, потому что нет вообще никакой беллетристики, а есть парт-летристика, что далеко не одно и то же»²⁹. Если ученый защищал в те годы прежде всего творчество так называемых попутчиков, а также «пролетарскую поэзию», которой не почерпнешь в рациональных формулах пролетарской идеологии»³⁰, то подобная аргументация в 1929 году носила уже характер глубокой неприязни к начинающейся сталинской культурной революции. Критикуя лефовскую теорию социального заказа, Переверзев решительно противопоставил ей (на самом деле не только ей) несокрушимую силу вдохновения, «ибо сколько его ни отрицай — оно существует»³¹.

1.7. Переверзев как организатор РАНИОН

Чтобы понять враждебные выступления против переверзевской концепции, нужно обратить внимание и на то, какую роль ученый играл в системе литературоведческих учреждений 1920-х годов. В первые годы советской власти осталось более или менее нетронутым дореволюционное университетское единство научно-исследовательской и преподавательской деятельности. По окончании гражданской войны политики пытались ослабить преобладающее влияние «буржуазных» ученых на студенчество и поэтому в 1921 году основали специальные научно-исследовательские институты, которые два года спустя были объединены в

Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В этих чисто исследовательских институтах, в том числе московском Институте языка и литературы (ИЯЛ), царил относительно творческий дух, который только частично был подавлен, когда в 1925 году в качестве методологического ориентира были созданы социологические комитеты и подобные отделы. Популярность Переверзева на этом этапе литературоведческого процесса основывалась на том, что он в недрах непартийного учреждения (ИЯЛ) сумел противопоставить большинству немарксистских ученых самобытную научную концепцию, претендующую на последовательную марксистскую теорию литературы.

II. Кампания 1929—1930 гг. против переверзевщины

Антипереверзевскую кампанию 1929—1930 гг. следует рассматривать в контексте вспыхнувшей в 1928 году борьбы с «правым уклоном», «меньшевизмом», препятствующим сталинской перестройке общества. Она была вызвана теми же причинами, имела те же характерные черты, что и борьба с т. н. механистами в философии, психологии или политэкономии³². Помимо широкого политического контекста сталинской культурной революции существовали и непосредственные факторы, обусловившие резкую критику переверзевской концепции: споры между двумя фракциями РАППа о методе пролетарской литературы. Представители левого крыла РАППа воспользовались трудами Переверзева в качестве предложения, чтобы выразить свое полное несогласие с литературной программой Л. Авербаха и его соратников из редакции журнала «На литературном посту» (А. Фадеев, В. Ермилов, Ю. Либединский, А. Селивановский, В. Сутырин и др.). С. Родов, И. Вардин, Г. Лелевич, возглавлявшие до 1926 г. Ассоциацию пролетарских писателей и журнал «На посту», никак не разделяли тех положений в программе авербаховцев, которые свидетельствовали о некотором влиянии «психологизма» А. Воронского (лозунги «непосредственных впечатлений», «живого человека», «углубленного психологизма», «учебы у классиков» и т. д.). Этому курсу правления РАППа бывшие напостовцы противопоставили свою собственную программу чисто агитационной пролетарской литературы, в которой моментам опыта, психики, подосознания и индивидуальности не было места, так как предпочитался подчеркнuto идеологический подход ко всем вопросам творчества. Крайне политическое мышление этой группы выразилось в проповеди чистого коллективизма, непрофессионализма литературных бригад, политического романа и очерка, образца Маяковского-агитатора и т.д. Любопытно, что в связи с этим ссылались, как правило, на авторитет Ленина, в том числе на введенное им понятие «партийность»³³. С помощью влиятельных бывших пропагандистов идей Богданова и Пролеткульта литфронтовцы раньше всех остальных рапповцев отмежевались от плехановского наследия и первыми произвели стержневые категории будущего соцреализма в ранг программной нормы.

Когда бывшие напостовцы в 1929 году открыли огонь против литературоведческой концепции Переверзева, авербаховцам сразу же стало ясно, что критика «сверхпсихологической» теории Переверзева в значительной степени относилась к психологическим аспектам их собственной литературной программы и что им необходимо что-то предпринять для укрепления власти. В этих целях они использовали благоприятный момент (смерть влиятельного Фриче в сентябре 1929 г.), чтобы развязать кампанию против Переверзева. Симптоматично, что она проводилась под лозунгом «За плехановскую ортодоксию», тем самым авербаховцы заняли среднюю позицию между Переверзевым и ссылающимися на Ленина бывшими напостовцами. Пользуясь еще не иссякшим авторитетом Плеханова, авербаховцы в конце 1929 г. отделились и от последовательного «психологизма» Пе-

реверзева, и от крайнего идеологизма бывших напостовцев, чтобы выдвинуть программу пролетарской литературы, признающую за «психологическими конфликтами» некоторое право на существование.

В этом контексте и родилось понятие «переверзевщина». Его применяли все рапповцы, причем круг оппонентов Переверзева охватывал не только членов пролетарской литературной организации. К бывшим напостовцам, имеющим свой центр в Ленинградской АПП (Г. Горбачев, А. Камегулов, В. Вишневецкий, Д. Тамарченко, Е. Мустангова, А. Горелов и др.), вскоре примкнула группа И. Беспалова (М. Гельфанд, А. Зонин и др.) из московского Института красной профессуры, первоначально еще сотрудничавшая с Переверзевым, некоторые «идеологисты» из окружения Фриче (И. Нусинов, М. Добрынин, С. Динамов, И. Анисимов, М. Храпченко, С. Малахов и др.), а также бывшие лидеры Пролеткульта П. Керженцев и П. Лебедев-Полянский. Многие из них вскоре объединились в «Литфронте».

Важную роль в антипереверзевской кампании сыграл доклад «Две критики. Плеханов — Переверзев» С. Щукина³⁴, выступившего сначала на собрании литературной секции Института красной профессуры, а потом в Коммунистической академии. Там в ноябре 1929 г. и январе 1930 г. состоялись две большие дискуссии по литературоведческой концепции Переверзева³⁵. Прения завершились резолюцией президиума Коммунистической академии, в которой переверзевская теория характеризовалась как «ярко меньшевистская концепция»³⁶. Результатом последующей борьбы авербаховцев с Литфронтом по поводу переверзевщины был сборник «Против меньшевизма в литературоведении»³⁷. После такой кампании обвинение в переверзевщине стало весьма опасным. Это понятие возбуждало ряд опасных политических ассоциаций и оценок (нередко с доносительским оттенком), далеко выходящих за рамки научных или литературно-программных разногласий. Какую бы часть переверзевской концепции ни обсуждали, все упреки сводились к одному — к недооценке Переверзевым решающей роли политики.

III.1. Критика переверзевского понимания науки

Хотя и Переверзев, и авербаховцы занимались вопросом соотношения литературы и психики, их подходы к этой проблеме принципиально отличались друг от друга. Тогда как Переверзев исходил из того, что подсознание полностью определяет литературу *как таковую*, и с этой позиции непредубежденно относился к литературе любого рода, авербаховцы ратовали за *определенную* — пролетарскую — литературу, показывающую богатую конфликтами, но успешную борьбу идеологии с пережитками старой психологии. За этой разницей скрывались не только разные представления о статусе и характере психики, но и противоположные интересы: рапповцы рассуждали на уровне литературной критики и программы, Переверзев же был литературоведом, историком литературы. В лице Переверзева критиковали не только односторонность определенной литературоведческой концепции, но и самый принцип относительной независимости теории и истории литературы (литературоведения) от современного литературного процесса (литературной критики и программы).

Переверзевщина в этом контексте означала объективизм, т. е. объективистское изложение истории литературы, независимое от каких бы то ни было литературно-критических и культурно-политических интересов. Именно это резко осуждалось. Литературоведение в дальнейшем должно было служить исключительно орудием господствующей литературной программы. Такой подход сохранился в сталинской культуре и тогда, когда о переверзевщине давно забыли, продолжая бороться с «объективизмом» в науке.

II.2. Критика переверзевского понимания литературы

Установка рапповцев на то, что *должно быть*, т. е. на литературную программу, обусловила их сдержанное, если не сказать, негативное отношение ко всему тому, что *есть на самом деле*. Потому они резко отмежсвались от Переверзева, последовательно привязавшего литературу к социальному опыту. Подозревая в его концепции серьезную угрозу для гегемонии пролетарской литературы, рапповцы решительно отвергли основополагающее значение подсознания, которому они противопоставили главенство идеологии, мировоззрения писателя. Фричеанец Анисимов говорил, например, о «сенсуалистской, узкочувственной концепции» Переверзева, о «методе психологическом»³⁸. *Переверзевщина в этом контексте означала психологизм, сведение литературного мышления к подсознанию, неприемлемую независимость от каких-либо идеологических вопросов*. Резко отрицательное понятие «переверзевщина» означало гибель психологической ветви социологического литературоведения с наступлением сталинской культуры. Тот факт, что авербаховцы сами исповедовали некоторый «психологизм», не меняет дело. В литературных произведениях и программных высказываниях налитпостовцев идеология всегда одерживала верх над психологией. Если при этом они еще могли опираться на авторитет Плеханова, то вскоре после антипереверзевской кампании они — под влиянием литфронтовцев³⁹ — были вынуждены отречься и от этого наследия, самокритично оценивая свою прежнюю позицию как непреодоленную «воронщину»⁴⁰.

Любопытно, что коллективистский аспект переверзевского понимания литературы в 1929—1930 гг. не входил в многослойное содержание «переверзевщины». Рапповцы и их идеологические друзья в не меньшей степени, чем Переверзев, подчеркивали коллективный (классовый) характер пролетарской литературы, но нередко заменяли относительно тонкие определения критикуемого ученого грубым социологизмом.

II.3. Критика переверзевского понимания социологии

Переверзев подразумевал под социологичностью детерминированность творчества писателя. В этом смысле он исходил из несвободы художника. Эту традицию продолжили и многочисленные критики ученого, лишь заменив детерминанты.

Переверзевщина в этом контексте означала экономизм, не считающийся с такими промежуточными звеньями, как политика и философия.

Едва постигнув, что собственным базисом переверзевского понимания социального характера литературы был родной дом, рапповцы выставляли категорию «взаимодействие», чтобы в конце все же провозгласить другую, еще более жесткую зависимость. «Между надстройками “первичными”, как политические учреждения, и надстройками “вторичными”, как литература, ставится знак равенства»⁴¹, возмущался Авербах, смотревший на политику как на «всеохватывающее выражение общественной практики данного класса»⁴². Социально-психологический подход к литературе, таким образом, был заменен классово-идеологическим.

II.4. Критика переверзевского понимания функции литературы

Резкую полемику вызвала теория игры. Здесь трудно было опираться на Плеханова, чтобы оправдать перенесение типичной для ранних культурных стадий

близости труда, игры и искусства на современные, более дифференцированные общества, в которых функция литературы «перерождается качественно»⁴³. Перенесение Переверзевым «филогенетических» обстоятельств в «онтогенетический» план, приводящее к замене труда родным домом, вызвало решительный протест приверженцев «плехановской ортодоксии». За ним скрывалась проблема читателя. Рапповцы критиковали Переверзева потому, что он этой проблеме уделял мало внимания. К тому же его теория игры допускала лишь читателя, живущего в тех же эмпирических условиях, что и автор, и повторяющего, следовательно, его психическую приспособляемость. Трактую искусство как «специфическое непосредственное орудие классовой борьбы»⁴⁴, критики Переверзева, наоборот, исходили из несовпадения сознаний автора и читателя, занимаясь вопросом потребления литературного произведения, в особенности «антиципации читательского восприятия»⁴⁵. В связи с этим они ввели в дискуссию понятийную оппозицию «факт» и «фактор».

Переверзевица в этом контексте означала отрицание изучения литературы как «фактора», фаталистическое, пассивное отношение к читателю, отрицание возможности целенаправленного воздействия на него.

Инициаторы антиперевезевской кампании не допускали никаких сомнений в том, что они подразумевали под «фактором» — «активное воздействие на литературный процесс со стороны надстроек, в частности и в особенности влияния политики»⁴⁶.

II.5. Критика социологической поэтики Переверзева

Сторонники рапповцев считали «социальную идею» «основным структурным элементом» литературного произведения. В ней, по их мнению, в наивысшей степени воплощается «классовое мировоззрение»⁴⁷.

Переверзевица в этом контексте означала одностороннее преувеличение роли образа, превращение литературного произведения в «собственный психологический портрет»⁴⁸ изображающего. «Носителем же закономерности художественного произведения является его идея»⁴⁹. Поэтому рапповцы решительно возражали Переверзеву, толковавшему знаменитую формулу «мышление в образах» как «мышление образов». Рапповцы критиковали ученого за то, что он не принимал во внимание философские основы литературы. Однако, они сами свели идею к идеологичности. Защищая Плеханова от Переверзева, Малахов поставил знак равенства между «общественным сознанием» — «системой идей» и «идеологией» — «мировоззрением»⁵⁰. В результате образ все чаще становился «приложением» к политической идее, в некоторых концепциях о нем даже не упоминалось, потому что их авторы занимались больше литературно-публицистическими, чем художественными текстами. В связи с этим ослаб интерес к поэтологическим вопросам. Вот почему в содержание категории «переверзевица» не вошла полемика с перевезевской посылкой «Прием — атрибут образа».

II.6. Критика литературно-критических воззрений Переверзева

Хотя литературная критика в перевезевской концепции занимала лишь служебное место, замечания литературоведа на эту тему вызывали резкий протест, так как они попадали в центр все более антипсихологической литературной программы рапповцев. *Переверзевица в этом контексте означала защиту т. н. путчиков, противоречащую литературной политике РАППа и влиятельных партийных кругов.* Понятие «переверзевица» в этом смысле приравнивалось распространенной тогда категории «воронщина».

II.7. Критика Переверзева как типичного представителя РАНИОН

Кампания против переверзевской концепции проводилась в рамках общей перестройки системы литературоведческих учреждений начала 1930-х годов. Первый этап этого процесса отличался тем, что государственные институты прекратили свое существование или подчинились партийным учреждениям. Решающую роль при этом играли Коммунистическая академия и Институт красной профессуры (ИКП), оба возглавляемые историком М. Покровским. В недрах Комакадемии в конце 1929 г. работала подсекция коммунистических критиков, которая объединяла молодых партийцев ИКП и Института языка и литературы РАНИОН. В ходе общей кампании против «меньшевизма» названная подсекция стала оплотом в борьбе не только с «буржуазным» литературоведением, но и со школой Переверзева.

Переверзевщина в этом контексте означала относительно мирное сосуществование противоположных литературоведческих концепций в рамках государственных научно-исследовательских учреждений 1920-х годов, что рапповцы и их партийные руководители заклеили как позорный отказ от руководящей роли пролетарской идеологии.

В результате антипереверзевской кампании критики ученого из Комакадемии и ИКП вступили в РАПП⁵¹. Вскоре РАНИОН, в том числе ИЯЛ, прекратил свое существование, а преобразованные остатки ИЯЛ прикрепились к Комакадемии. Победа критиков Переверзева увенчалась основанием крупного Института литературы, искусства и языка Комакадемии, который в дальнейшем превратился в центр литературоведов-идеологов.

III. «Переверзевщина» в контексте борьбы с «вульгарным социологизмом»

Борьба с «переверзевщиной» постепенно отодвигалась на задний план, когда кампания против социально-психологического литературоведения перешла в критику критиков. На фоне ожесточенных споров между налитпостовцами и литфронтовцами, которые завершились разгоном Литфронта и радикализацией авербаховцев, в 1931 году поднялась новая волна полемических выступлений — на этот раз уже против наследия Плеханова, которое все меньше соответствовало примитивной политической программе пролетарской литературы. В связи с этим идеологическому обстрелу подвергся не только лозунг «За плехановскую ортодоксию», но и такая непоследовательная критика переверзевской концепции, как «беспаловщина». Литературоведение стало непосредственным выражением споров вокруг программы пролетарской литературы. Некоторое время казалось, будто функция его состоит исключительно в том, чтобы узаконить победу «идеологического» направления над «психологическим». Обращение к истории литературы, значение которой возрастало в ущерб теории литературы и поэтики, шло в духе историографической концепции Покровского: «политика, опрокинутая в прошлое», буржуа Пушкин как предшественник пролетария Безыменского и т. п.⁵²

В ответ на рапповскую чрезмерную политизацию социологии литературы формировался ряд позиций, свидетельствовавших о более сдержанной трактовке отношений литературы к пролетарской идеологии: литературно-познавательная концепция группы Лукача-Лифшица, конкретное социально-идеологическое исследование истории литературы представителями «академического» литературоведе-

ния (такими социологизирующими учеными, как В. Жирмунский, А. Смирнов, П. Берков, Н. Державин или Н. Пиксанов), а также модифицированная концепция Переверзева. Их значение немного возросло после того, как на фоне перехода от рапповских директив к программе соцреализма в 1932 году был провозглашен «ленинский этап в литературоведении». В связи с этим началась канонизация принципа партийности. Теперь под запретом оказался не только «гнилой либерализм» Луначарского, но и «троцкистская пропаганда» Горбачева, Лелевича, Родова, а также «меньшевизм» Плеханова и его непоследовательных преемников»⁵³.

«Ленинский этап» отличался тем, что невероятный рост количества все новых «классовых врагов» в ходе культурной революции ослаб, началась некоторая «передышка», процесс втягивания, синтеза. «Точка зрения сегодняшнего дня» дополнялась попытками определения «места в истории». Под пролетарской культурой разумели теперь не столько культуру пролетариев, сколько миссионерский потенциал пролетарской идеологии, к воспеванию которого под флагом «партийности» были приглашены все. Переверзев отозвался на эти изменения усилением изучения историко-литературного *процесса*, переключением с синхронического на диахроническое изучение истории литературы. Оказавшись в 1934—1935 гг. главным оппонентом Лукача в ходе дискуссии о проблемах теории романа в Комакадемии, Переверзев, между прочим, выступил со странной по форме, но показательной по содержанию самокритикой. Ученый характеризовал свои литературоведческие воззрения 1920-х годов как «окончательно пройденный этап», как не стоящую особого внимания «допотопщину». Благодаря «дискуссии 1929 года» он-де «бросил построение литературно-творческих портретов», а вместе с ним и «заостренный эйдологизм» и «экономизм».

«Несостоятельность и ограниченность переверзианского марксизма» обнаружилось, по словам выступавшего, тогда, когда он «вышел на разработку тематики историко-литературного процесса, поставившей в центр... проблемы построения истории периодов, истории жанров, стилей»⁵⁴. В результате такого пересмотра своей прежней концепции Переверзев стал видеть в литературе в большей степени *сознательную* деятельность, признав огромное значение литературного влияния и заимствования, а главное, он открыл для себя относительную вневременность и самостоятельность жанров в литературном процессе. Хотя их конкретное историческое проявление связывалось, соответственно первоначальному убеждению, с социологией стилей, жанры уже не толковались исключительно как атрибуты образа. Это тем более относилось к истории романа, ставшей основным предметом научных интересов Переверзева⁵⁵. В борьбе за определенный тип романа ученый видел теперь чуть не стержень социально обусловленных литературных замыслов⁵⁶. При этом Переверзев остался *историком* литературы. Вот почему русский роман предстал у него в ином свете, чем в концепциях и группы Лукача-Лифшица, и «идеологистов», т. е. сторонников концепции непосредственно идеологической политической литературы. Анализируя, например, незаконченный роман Пушкина «Русский Пелам»⁵⁷, Переверзев обратил внимание на то, как писатель в 1830 годы с позиции *образованного аристократа* решился вести борьбу с нравоописательным романом жильбазовского типа, представлявшим собой результат *буржуазного* развития. Переверзев полагал, что низкопробные, но популярные произведения Булгарина и ему подобных сердили Пушкина особенно тем, что в них примитивная антиаристократическая тенденциозность становилась опорой бюрократической дворянской монархии Николая I. Переверзев в дальнейшем показал, что в ответ на этот «плутовской роман» Пушкин обратился к не привычному для него жанру, чтобы написать свой собственный нравоописательный роман, которым он *на высоком художественном уровне* намеревался пародировать русского Жиль-Блаза. Скрывавшиеся за аргументацией историка литературы выводы резко столкнулись с принципами и познавательно-

го, и социально-идеологического направлений. Труды Переверзева 1930-х годов показывали, что нельзя ставить знак равенства между романом и буржуазной эмансипацией индивида, а также между восходящей социальной группой и большей художественностью. Сверх того, роль политики сводилась к созданию атмосферы полицейщины, убивающей всякие попытки истинного творчества. По мнению Переверзева, ее жертвой стал и пушкинский план романа «Русский Пелам». Именно Переверзев, которого к середине 1930-х годов охотно причисляли к т. н. «вульгарному социологизму», оказался последовательным защитником высококачественной художественной литературы. С этой позиции он выступал главным оппонентом группы Лукача на упомянутой конференции о проблемах теории романа в Комакадемии, что, в свою очередь, вызвало резкую реакцию со стороны представителей познавательного и социально-идеологического литературоведения. По мере того, как Переверзев после кампании 1929—1930 гг. переосмысливал основы своей первоначальной концепции, изменялось и содержание категории «переверзевщина».

Лукач подходил к роману с культурно-философской точки зрения, вследствие чего этот жанр являлся у него простым атрибутом философии, философемой. Так, оперируя понятиями «личность» и «общество», Лукач соотнес с первым роман, а со вторым — «эпос», чтобы потом предложить следующую гегельянскую триаду как единство логического и исторического:

1. тезис: «примитивное единство родового строя» = эпос

2. антитезис: непреодолимое «противоречие между личностью и обществом» в буржуазном строе = роман

3. на пути к синтезу: преодоление «деградации человека» и «высвобождение... возможностей масс» в условиях «становления бесклассового общества» = сближение романа с эпосом, «тенденция к эпосу»⁵⁸. Переверзев не мог согласиться с таким подходом к жанровой проблематике. По его мнению, отождествление романа и буржуазного общества вовсе не необходимо, если жанровую эволюцию исследовать с позиций последовательного *историка* литературы. Как эпос в новом оформлении пережил «родовой строй», так и роман существовал задолго до возникновения буржуазного общества.

Переверзевщина (иногда употреблялось и понятие «переверзианство») в этом контексте означала отрицание культурно-философского определения литературы, противопоставление истории литературы литературной теории (в действительности — программе соцреализма), разрыв логического и исторического.

«Игнорирование связи искусства с философией и политикой... характерно для переверзианства»⁵⁹. По отношению к трактовке жанра под переверзевщиной подразумевали бессодержательность жанрового определения. За этим упреком скрывалось недовольство тем, что Переверзев жанровую проблематику связал с мыслью об относительной самостоятельности литературного процесса и борьбой за художественность литературы⁶⁰.

Второй пункт переверзевских оговорок касался «тенденции к эпосу» в пролетарском романе и дал критикуемому им лагерю повод к опаснейшим политическим обвинениям. Ученый выразил в дискуссии свое удивление по поводу того, что в докладе Лукача «жанр романа определяется на основании отношения этой формы к эпосе, эпосу»⁶¹. Продолжая наивничать, Переверзев остановился на предположении, что «из новых общественных отношений в искусстве социалистического реализма возникают новые эпические черты»⁶², и недоумевал: если для героического эпоса базой и в самом деле является единство личности и коллектива, то почему не мог появиться эпос у пролетариата в буржуазном обществе, а тем более, почему его нет в настоящее время? По-видимому, «вы относите возможность возникновения эпоса к тому будущему, которое придется назвать социалистическим обществом? Но в социалистическом обществе пролетариата

уже нет...»⁶³ Замечания оппонента попали в точку, ибо пролетариат интересовал группу Лукача не как социальное явление, а как идеологический носитель утопии бесклассового общества. Вот почему Лифшиц, Усиевич и другие сторонники концепции Лукача обрушились на Переверзева, еще не путавшего сущее с желаемым.

Переверзевица в этом контексте означала отрицание надвигающегося эпического героизма в литературе 1930-х годов, непонимание самой сути программы социализма — преломления настоящего сквозь призму утопического.

Разделение на пролетарскую и социалистическую стадии, выразившееся в скептическом отношении Переверзева к «новому развитию эпических элементов в романе», противоречило аргументации Лукача, согласно которой тенденция к эпосу «вырастает с необходимостью из самого существа общественного развития, из становления бесклассового общества»⁶⁴. Стало ясно, что за спором об эпосе скрывалось принципиальное расхождение в понимании эволюции советского общества в 1930-е годы.

Переверзевица в этом контексте означала отход от идеи диктатуры пролетариата, от «учения об исторической миссии пролетариата»⁶⁵.

Переверзев, который в качестве *социолога* литературы как никто другой мог оценить возможности ненасильственного создания бесклассового общества в СССР, был обвинен Лифшицем, рассуждавшим, скорее, в духе идей народничества, в «отходе от марксизма в сторону меньшевизма»⁶⁶. В 1935 году такие упреки, как правило, имели роковые последствия.

На самом деле, Переверзев довольно четко распознал в концепции Лукача контуры совершенно нового контекста обсуждения, который вскоре принял характер второго этапа эволюции сталинской системы литературы. В дискуссии о романе Переверзев, между прочим, заметил, что «в докладе т. Лукача от социологии Маркса ничего не осталось, потому что вся работа построена на том, что основное противоречие капиталистического общества — это противоречие личности и коллектива». Дальше он установил: «Докладчик оперирует такими категориями, как... буржуазное общество, буржуазная культура, противоречие личности и коллектива и т. п., а что касается классов — то классов в его докладе нет». На этом построена, по словам оппонента, и вся теория романа Лукача, что в конце концов больше напоминает Михайловского, чем Маркса⁶⁷.

В своем выступлении Переверзев предчувствовал многие признаки народно-коллективистского канона второй половины 1930-х годов: борьбу с социологической аргументацией как таковой, модифицированное с точки зрения сталинизма обновление существенных сторон народнического образа мышления, идеологическое обоснование модернизации (военизации) общества с помощью архаических типов культуры. Если Лукач в конце своего доклада говорил о том, что тенденции к эпосу отражают процесс уничтожения классов и что в связи с этим из «среды миллионных масс» выдвигаются «руководители революционных масс»⁶⁸, то он невольно способствовал тем идеологическим изменениям, которые впервые дали о себе знать в партийных решениях о преподавании в школе (1934 г.) или в замечательной сцене на Первом съезде советских писателей, когда дагестанский «бард» Сулейман Стальский вдруг поднялся с кресла в президиуме и в восторге «спонтанно» излился стихотворным восхвалением Сталина, побудившим увлеченного Горького говорить о «Гомере XX века»⁶⁹.

Кампания 1936 года против формализма и натурализма в искусстве окончательно помогла проложить путь «тенденции к эпосу». Насколько уместными были возражения Переверзева в адрес Лукача, можно было судить по расцвету во второй половине 1930-х годов программы нового фольклора, которая своим *народным* коллективизмом, с одной стороны, заменила *пролетарский* коллективизм рапповцев, но, с другой стороны, продолжала антиинтеллектуальную направлен-

ность их установок. В центре фольклорной программы, инициированной Горьким и представителями разогнанного Литфронта, после 1936 года охотно подчинившихся новому идеологическому курсу бесклассового советского общества, находилась борьба за «новый эпос»⁷⁰.

«Орденосцы» Джамбул, беломорская сказительница Марфа Крюкова и другие «народные певцы» оказались особенно пригодными для создания культа и поистине идеально воплощали в себе черты того «примитивного единства *родового строя*», который Лукач рассматривал лишь как культурологическую отправную точку, как тезис на пути к будущему синтезу *народности*⁷¹. Влиятельные приверженцы программы нового эпоса превзошли самые крайние опасения Переверзева. Они фактически стирали грань между настоящим и будущим, принимая действительность за осуществленную утопию. Все чаще можно было наблюдать попытки сторонников фольклорной программы одержать верх над (профессиональным) литературным творчеством, которое все же сохраняло признаки общества, основанного на разделении труда. Это привело к тому, что отмеченная Лукачем тенденция к эпосу, выражавшаяся в эпическом характере романа, отеснялась в сторону неотложностью создания *самого эпоса*. Последние рудименты историчности в концепции Лукача, привязанные к «единству логического и исторического», таким образом уступали место «логике» основательно искаженной утопии. Антиисторическая сущность различных литературных теорий и программ эпичности была никак не совместима не только с воззрениями Переверзева, но даже с крайне упрощенными концепциями социологии литературы.

Кампания против формализма и натурализма, следовательно, относилась и к социологии литературы. В принципе, ее можно расценить как серьезную попытку уничтожить литературно-социологический подход в целом. Преобладавшее в первой половине 1930-х гг. литературоведческое направление теперь подвергалось резким нападкам со стороны группы Лукача-Лифшица, которая скоро выступила под названием «течение». Считая свою неонародническую концепцию литературы социологически более обоснованной, группа Лукача-Лифшица накануне 1936 года ввела понятия «вульгарный социологизм» и «вульгарная социология», чтобы обратить внимание на существенную односторонность и недостатки социально-идеологического исследования литературы — сведение художественного мышления к мировоззрению, политической философии социального класса, социальному происхождению автора. В кампании 1936 года вульгарная социология клеймилась как продолжение натурализма в литературоведении. «С энтузиазмом и энергией юных натуралистов они нанизывают писателей, словно бабочек, на острие своего “классового анализа”»⁷² — иронизировал М. Розенталь, не думая, однако, над тем, на какое острие он, в свою очередь, нанизывал писателей, когда в условиях тоталитаризма обязывал их к «народности».

В процессе борьбы с вульгарным социологизмом огромные и принципиальные различия внутри литературно-социологического направления утрачивали свое значение. У всех у них была одна судьба. На втором этапе эволюции сталинской культуры уже никого не интересовало, к какому социологическому течению критикуемый литературовед принадлежал — к психологическому или к идеологическому, чем он занимался — литературной критикой или наукой, что было для социолога отправным пунктом — специфичность литературы или идеологические запросы. В контексте одинакового поношения позиций Покровского, Фриче, Дмитрия Мирского, рапповцев, Нусинова и отрекшихся от своего учителя бывших учеников Переверзева выходило из обихода и понятие «переверзевщина». В зачатках эти изменения выявились еще в выступлении неистовой Елены Усиевич на конференции по теории романа. Хотя на этой конференции завязался спор, главным образом, между группой Лукача-Лифшица и Переверзевым, Усиевич призвала тех представителей социально-идеологического направления,

которые, «не разделяя его концепции в целом, скатываются к отдельным ее положениям», не позволять сбить себя с толку. Упоминая в этой связи именно о проблемах эпоса и жанра, она упрекнула Переверзева в том, что он взял свои методологические установки «из вульгарно-социологических искажений марксизма»⁷³.

Выдвинутое группой Лукача-Лифшица понятие «вульгарный социологизм», отсутствовавшее до 1932 года, постепенно оттеснило такие определения, как «переверзевщина». После кампании против формализма и натурализма говорили прежде всего о вульгарном социологизме. С помощью этой центральной категории представители коллективистски-народного курса выражали свое сугубо отрицательное отношение к социологическому мышлению как таковому. В новом элементарном толковании социологического подхода к литературе Переверзев был превращен в союзника своих бывших критиков — «любителей политики»: «Теоретики РАППа, боровшиеся против Переверзева и его последователей, сами были достаточно заражены вульгарной социологией»⁷⁴. Когда Розенталь писал эти строки, он вряд ли представлял себе те конкретные обвинения, которые будут возведены в конце 1930-х годов на группу Лукача-Лифшица. Критиковали ее тогда, между прочим, за... переверзевщину.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Так, например, Борис Гройс толкует сталинское искусство как осуществление художественных концепций авангарда, мало обращая внимание на то, что эти отношения характерны в основном лишь для первой половины 1930-х годов, ибо идеологические координаты сталинского «тотального произведения искусства» резко и неоднократно менялись. (См.: *Б. Гройс. Стиль Сталин* // Б. Гройс. Утопия и обмен. М., 1993. С. 11—112).

2 *Р. О. Якобсон. Новейшая русская поэзия. набросок первый*. Велимир Хлебников. Прага, 1921. С.11.

3 *В. Ф. Переверзев. Творчество Гоголя*. М., 1914. С. 15.

4 *В. Ф. Переверзев. Социальный генезис обломовщины. Печать и революция*. 1925. № 2. С. 61.

5 *В. Ф. Переверзев. Теоретические предпосылки писаревской критики* // Вестник Коммунистической академии, 1929. № 31(1). С. 42.

6 Там же. С. 45.

7 См., напр.: *Г. В. Плеханов. Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории* // Плеханов. Искусство и литература. М., 1948. С. 313.

8 *Г. В. Плеханов. Искусство и литература*. С. 292.

9 Там же. С. 224.

10 Там же. С. 52.

11 Там же. С. 54.

12 Там же. С. 323.

13 *В. Ф. Переверзев. Проблемы марксистского литературоведения* // Литература и марксизм. 1929. № 2. С. 8.

14 *В. Ф. Переверзев. Творчество Достоевского: Критический очерк*. М., 1912. С. 100. См. также: Переверзев. Проблемы марксистского литературоведения. С. 10—11.

15 *В. Ф. Переверзев. Прения по докладу В. М. Фриче «Фрейдизм и искусство»* // Вестник Коммунистической академии. 1925. № 12. С. 261.

16 См., напр., описание родного дома в творчестве Тургенева и Достоевского в кн.: *В. Переверзев. Творчество Достоевского*. С. 61—62, 65.

17 Конференция преподавателей русского языка и литературы (23—28 января 1928 года) // Родной язык и литература в трудовой школе. 1928. № 1. С. 92.

- 18 В. Переверзев. Проблемы марксистского литературоведения. С. 8.
- 19 Там же. С. 5.
- 20 Там же. С. 13.
- 21 Там же. С. 8.
- 22 Ср., напр.: В. Переверзев. Творчество Гоголя. С. 316, 318, 320, 325—327.
- 23 См.: Г. Плеханов. Искусство и литература. С. 215; В. Ф. Переверзев. Заклочительное слово на торжественном заседании, посвященном 35-летию литературной деятельности М. Горького // Вестник Коммунистической академии. 1927. № 24. С. 271.
- 24 В. Переверзев. Проблемы марксистского литературоведения. С. 17.
- 25 См.: В. Ф. Переверзев. Необходимые предпосылки марксистского литературоведения // Литературоведение. Сб. М., 1928. С. 11.
- 26 В. Ф. Переверзев. Теоретические предпосылки писаревской критики. С. 39.
- 27 В. Ф. Переверзев. Рец. на кн.: Б. М. Эйхенбаум. Сквозь литературу. Л., 1924 // Печать и революция. 1925. № 1. С. 270.
- 28 В. Ф. Переверзев. На фронтах текущей беллетристики // Печать и революция. 1923. № 4. С. 130.
- 29 Там же. С. 132.
- 30 Там же.
- 31 В. Ф. Переверзев. О теории социального заказа // Печать и революция. 1929. № 1. С. 62.
- 32 См., напр., «Резолюцию президиума Коммунистической академии о литературоведческой концепции В. Ф. Переверзева» (Литература и марксизм. 1930. № 1. С. 3—4).
- 33 См., напр.: Против чего и за что мы боремся // Творческая дискуссия в РАППе. Сб. стенограмм и материалов III областной конференции ЛАПП. 15—21 мая 1930 г. Л., 1930. С. 463; А. И. Зонин. О литературоведческой дискуссии // Книга и революция. 1930. № 2. С. 1—5.
- 34 С. Е. Щукин. Две критики. Плеханов — Переверзев. М., 1930.
- 35 См.: Против механистического литературоведения. Сб. М., 1930.
- 36 Там же. С. 201.
- 37 Против меньшевизма в литературоведении: О теориях проф. Переверзева и его школе. Сб. М., 1931.
- 38 И. И. Анисимов. Проблема Переверзева // Красная новь. 1930. № 2. С. 221.
- 39 См.: Творческая декларация 16 литгрупп и кружков ЛАПП // Творческая дискуссия в РАППе. С. 452—457.
- 40 См.: В. В. Ермилов. Буржуазные влияния в пролетарской литературе // Резец. 1930. № 36. С. 14.
- 41 Л. Л. Авербах. К критике взглядов проф. Переверзева // Против меньшевизма в литературоведении. С. 50.
- 42 Там же. С. 49.
- 43 С. Л. Белевицкий. Дискуссия о В. Ф. Переверзеве // Русский язык в советской школе. 1930. № 2. С. 179.
- 44 Д. Е. Тамарченко. Основные вопросы марксистской критики. Статья 4-я // Литературная учеба. 1931. № 10. С. 10.
- 45 Н. И. Ефимов. Литературоведение революционной эпохи. Направления и проблемы. Вып. 1: Эйдологическое направление. Школа В. Ф. Переверзева. Владивосток, 1930. С. 39.
- 46 Там же. С. 42.
- 47 И. М. Нусинов. Вопросы марксистского литературоведения // Литература и марксизм. 1930. № 4—5. С. 20, 24.
- 48 С. А. Малахов. К итогам дискуссии о переверзевской школе // Звезда. 1930. № 6. С. 255.
- 49 Ф. Шемякин. Метафизика В. Ф. Переверзева // Удар за ударом. Удар второй. М.; Л., 1930. С. 299.
- 50 С. А. Малахов. Переверзевщина на практике: Критика теории и практики. М.; Л., 1931. С. 12.

- 51 См.: На путях осуществления директивы партии // На литературном посту. 1929. № 23. С. 3—6.
- 52 См.: *Г. Лелевич*. Доклад // Литература. 1931. № 1. С. 15.
- 53 См., напр.: *В. Я. Кирпотин*. Письмо тов. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» и задачи литературоведения // Литературная учеба. 1932. № 4. С. 15, 18, 21.
- 54 Проблемы теории романа. Часть вторая // Литературный критик. 1935. № 3. С. 236—237. (В дальнейшем: ПТР II).
- 55 См.: *В. Ф. Переверзев*. У истоков русского реального романа. М., 1937. С. 6.
- 56 См.: *В. Ф. Переверзев*. Борьба за исторический роман в 30-е годы // Литературная учеба. 1935. № 5. С. 3—29; 1935. № 10. С. 39—54.
- 57 *В. Ф. Переверзев*. Пушкин в борьбе с русским плутовским романом // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. I. М.; Л., 1936. С. 164—188.
- 58 Проблемы теории романа. Часть 1-я // Литературный критик. 1935. № 2. С. 214—215, 219. (В дальнейшем: ПТР I).
- 59 ПТР II. С. 232.
- 60 См.: ПТР I. С. 249; ПТР II. С. 232—233, 239.
- 61 ПТР I. С. 229.
- 62 ПТР II. С. 244.
- 63 ПТР I. С. 232.
- 64 Там же. С. 219.
- 65 ПТР II. с. 251—252.
- 66 Там же. С. 252.
- 67 ПТР I. С. 243.
- 68 Там же. С. 219. (выделено нами. — *Х. Л.*)
- 69 Заключительное слово А. М. Горького // Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1990. С. 676.
- 70 См. речь Г. Лелевича. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. С. 264—267. См. также: *H.-J. Lehnert*. Vom Literaten zum Barden. Wandlungen im literarischen Leben der UdSSR Mitte der 30er Jahre // Zeitschrift für Slavistik. 1991. № 2 (36). S. 187—195.
- 71 См.: ПТР I. С. 214—215, 219.
- 72 *М. М. Розенталь*. Против вульгарной социологии в литературной теории. М., 1936. С. 30
- 73 ПТР I. С. 236.
- 74 *М. Розенталь*. Против вульгарной социологии в литературной теории. С. 7.